

1 апреля 2007

Белла Езерская, Нью-Йорк

«Евгений Онегин» в Нью-Йорке. Дмитрий Хворостовский и Рене Флеминг на сцене Метрополитен Опера

В ночь с третьего на четвертое марта, сразу после спектакля, кажется, еще не стихли овации, самолет умчал Дмитрия Хворостовского с женой и маленьким сыном домой, в туманный Альбион. Закрылась еще одна «русская страница» Метрополитен Опера. Замечательная страница.

Отправляясь на очередную постановку «Евгения Онегина», я внутренне напрягаюсь: какие еще сюрпризы преподнесет режиссер? Чайковского испортить трудно, но возможно: при неадекватной сценической поддержке его музыка повисает в воздухе, и тогда ее лучше слушать с закрытыми глазами или дома на диване. Убеждение, что оперу достаточно слушать, — анахронизм: сегодня оперу надо еще и видеть. При этом видеоряд, как минимум, не должен вступать в противоречие с музыкой. Во времена моей молодости стук молотков из-за кулис разносился по всему залу; Ленского в шубе и шапке сверху посыпали «снегом», а на Татьяне обязательно был малиновый берет. При этом Ленский мог быть как шкаф, а Татьяна разминивать седьмой десяток. Над всем властвовал Его Величество Вокал. Так было.

Устав от традиций, сегодняшние постановщики бросились осовременивать самое консервативное из искусств. И, как водится, наломали дров. Постановку Евгения Колобова, повергшую когда-то в шок театральный Нью-Йорк, Хворостовский в беседе со мной деликатно назвал «экспериментом». Интересно, согласился ли бы он принять участие в таком эксперименте? Во всяком случае, «Евгений Онегин» в «Новой опере» состоялся без его участия. Но что говорить о колобовской постановке, когда в Мариинке бал в доме Лариных происходил на заснеженной улице, а под хор «Девицы-красавицы» шествовали мужики с мешками.

Оперу Петра Ильича Чайковского «Евгений Онегин» я в первый раз слушала в 13 лет. Незадолго перед этим я прочитала «Евгений Онегин» в школьной хрестоматии и заболела им на всю жизнь. Опера повергла меня в состояние шока. Я восприняла ее как надругательство над романом. Так обращаться с пушкинским текстом!? Обрывать строфы, вставлять бездарные чужие стихи! Хотя меня, как положено, учили музыке с шести лет, я была (и осталась) человеком книги. Повзрослев, я все-таки оставила за композиторами некоторое право менять текст оригинала. Мой тогдашний юношеский ригоризм несколько оправдывает то обстоятельство, что сам Петр Ильич пришел в ужас, когда певица Елизавета Лавровская предложила ему написать оперу на роман «Евгений Онегин». Он и во сне не мог подумать о том, чтобы прикоснуться к священным пушкинским строкам! Но раз возникнув, эта мысль не покидала его. Он снял с полки томик Пушкина, перечитал «Евгения Онегина» и за ночь набросал либретто, причем начал с письма Татьяны.

Этому были причины. В мае 1877 года Чайковский получил письмо от некоей Антонины Милюковой, бывшей студентки консерватории, которую он едва помнил. Письмо содержало признание в любви. Чайковский ответил холодным и вежливым отказом, но девушку это не смутило: во втором письме она признавалась ему в любви еще более страстно. Чайковский сдался и поехал знакомиться. В его сознании реальная Антонина Милюкова и виртуальная Татьяна Ларина слились в один трогательный женский образ. Его мучили угрызения совести, он представил, что его холодное письмо ранило чувствительную Антонину так же больно, как отповедь Онегина — Татьяну. Нет, в этом совпадении определенно был перст судьбы! 23 мая Чайковский предложил Антонине руку и сердце, оговорив, что будет любить ее любовью брата. Вообще-то, ему давно надо было жениться, чтоб прекратить разговоры в свете о его гомосексуализме, а тут представился случай. Сделав предложение, Чайковский со спокойной совестью уехал в имение своего друга, актера Шиловского, и засел за письмо Татьяны. Работа увлекла его; об этом он писал восторженные письма Надежде фон Мекк и брату Модесту. 6 июля Чайковский женился и почти сразу понял, что совершил ужасную ошибку. 27 июля он на полтора месяца уехал в имение своей сестры на Украине. В Москву он вернулся в сентябре и в течение 12 дней безуспешно пытался наладить семейную жизнь. После этого он окончательно порвал с Антониной и надолго уехал за границу, сначала в Швейцарию, а потом, под предлогом лечения нервной системы, на модный итальянский курорт Сан-Ремо. Это было необходимо для успокоения общественного мнения, вызванного скандалом. За границей Чайковский отошел душой от пережитых потрясений, к нему вернулась жажда творчества. «Если когда-нибудь музыка писалась с искренней страстью, с любовью к роману и его героям, то это музыка к «Евгению Онегину», — писал он композитору Сергею Танееву в январе 1878 года. 20 января работа над оперой была полностью закончена.

Премьера состоялась в Малом театре 29 марта 1879 год в исполнении студентов Московской консерватории. Критики приняли «Евгения Онегина» прохладно: вместо привычной оперы им предложили сентиментальные сцены из сельской жизни, на живую нитку схваченные спрямленным пушкинским текстом, к тому же, в непрофессиональном исполнении. В Большом театре премьера прошла 23 января 1881 года. Но подлинный триумф оперу ожидал на премьере в Мариинском театре 19 октября 1884 года. За дирижерским пультом стоял Эдуард Направник, прекрасная музыка Чайковского сгладила шероховатости либретто и вошла в историю, как непревзойденный шедевр лирической оперы, существующий независимо от пушкинского романа.

Вынося в титры «по мотивам», авторы либретто освобождают себя от необходимости следовать оригиналу и от возможных претензий со стороны композитора. Но случай с «Евгением Онегиным» — особый: в нем автор и композитор это одно лицо. Шиловский, которого Петр Ильич привлекал к совместному написанию либретто, впоследствии от авторства отказался...

Итак, я в Метрополитен Опера. Спектакль начинается под краткое оркестровое вступление. За дирижерским пультом — маэстро Гергиев, прилетевший в Нью-Йорк ради нескольких спектаклей. Сквозь дымку просвечивает одинокая фигура — Онегин почему-то в красном фраке... Осень. Листопад. Онегин поднимается со скамьи и... растворяется в сумраке ночи. Это — судьба

Сцена «Письмо Татьяны» длится 12 минут. Рене Флеминг не просто вокально и драматически провела ее безупречно — она вжилась в эту роль. Ее Татьяна взволнована, она с трудом сдерживает нахлынувшие чувства, пробует отвести душу с няней, но из няни плохой собеседник, да и она не знает, что такое любовь. Отпустив няню, Татьяна доверяет свои страхи кантилене: «Пускай погибну я». Она никак не может начать письмо: ведь это неприлично — девушке первой признаваться мужчине в любви! «Я к вам пишу» — это вершина любовной оперной лирики. Золотой голос Флеминг, которому одинаково доступны и тончайшее пианиссимо и низкие регистры, плавно ложится на ее игру. Татьяна пишет, рвет страницы, мечется, садится на кровать, вскакивает. Тут бы постановщику помочь актрисе сохранить эту взволнованную романтическую атмосферу, но ни окна, у которого Татьяна встречает восход солнца, ни двери, через которую входит Филиппевна, в спектакле нет. Вместо окна — унылая стена-экран, на которой возникает не то солнце, не то луна; вместо двери — люк. Кровать и стол стоят посреди пустой сцены, засыпанной осенними листьями.

Это минимализм, открытый еще древними греками. Опавшие листья переходят из акта в акт, обозначая несбывшиеся надежды. А девицы-красавицы, гребут эти листья метлами, как бабы на коммунистическом субботнике. Мне недосуг разбираться в этой символике, мне важно сохранить в душе трепетное чувство, а вместо этого я думаю, откуда вылезла Филиппевна и как ей тяжело взбираться по крутым ступенькам с подносом в руках («приносит на подносе чай»). Ах, подноса не было? И берета тоже? Но искусство режиссера именно в мелочах и проявляется. Особенно, когда имеешь дело с великим оригиналом, от которого не уйти.

Нынешнему спектаклю «Евгений Онегин» — десять лет. Постановка Роберта Карсена, сценография и костюмы — Майкла Ливайна. Сценография современная, а костюмы — исторические, что оказалось не так уж плохо. Сейчас трудно установить, какие находки принадлежат «отцам-основателям». Почти для всего русского актерского состава это —

премьера. Состав блестящий. Мне показалось, что у Елены Зарембы голос густой и слишком «темный» для беспечной и игривой Ольги, но Чайковский так захотел, значит, так тому и быть. Бас Сергей Алексахин проникновенно спел знаменитую арию Гремина: «Онегин, я скрывать не стану». На месте были Светлана Волкова (Ларина), Лариса Шевченко (Филиппевна). Новый актерский состав влился в старые мехи...

Ленского пел быстро набирающий международную известность мексиканский тенор Рамон Варгас. У него бельканто, столь важное в этой партии, и неплохой русский. (Я заметила: певцы, чей родной язык испанский, легче, справляются с русской орфоэпией). Играет Варгас, как и положено, порывисто и импульсивно. Зал с замиранием сердца ждал арию Ленского, и наградил певца заслуженной овацией. Но мне чего-то недоставало. Всем хорош Варгас — а не Ленский! Может быть, он не *прожил* эту арию, а просто хорошо *спел* ее? А может, мне мешала его латиноамериканская внешность? Не тот типаж? Мы, русскоязычные, находимся в плену стереотипов и обречены сравнивать исполнителей партии Ленского с Лемешевым и Козловским.

В постановке немало интересных находок. Диву даешься, как тесно они соседствуют с неудачными. Онегин молча меряет гостиную Лариных тяжелыми шагами, опустив голову и заложив руки за спину: он зол на Ленского и задумывает месть. Ленский поет свою знаменитую арию, не обращая к залу, как обычно, а ссутулившись и сунув руки в карманы: ему зябко, его мучают дурные предчувствия. Оригинально решена сцена именин Татьяны: гостиная Лариных по периметру обставлена *разномастными*, собранными с бору по сосенке, стульями. Гости танцуют в тесноте. Тут все схвачено: и бедность, и претензии, и желание казаться не хуже других.

Сцена дуэли решена в утреннем полумраке, почти силуэтно. Ленский убит, Онегин с криком «Убит!» бросается к нему. И сразу, почти без перерыва, идет сцена туалета Онегина, очень подробно и иронично описанная Пушкиным в первой главе «Евгения Онегина». Онегина раздевают до пояса, а потом медленно облачают в бальные доспехи. Слуги с рубашками, манишками, подтяжками застыли вокруг. Наконец, ему подают фрак, и он готов ехать на бал. Вообще-то я не против мужского стриптиза, тем более что Онегин оказался мускулистым малым. Но в это время мимо него проносят труп Ленского, а он даже головы не повернул. Эта сцена по отношению к Онегину несправедлива: он тяжело переживал смерть Ленского — перечитайте Пушкина!

Хворостовский хорош. Критик «Нью-Йорк Таймс» Антонио Томмазини написал, что он рожден сыграть Онегина, а Клайб Барнс из «Нью-Йорк Пост» назвал его великим баритоном. Сдержанно-холодный с Татьяной в начале первого акта; пошловато-фатоватый с Ольгой; недоумевающий в ссоре с Ленским (а что я такого сделал?), Хворостовский воплощает единство вокала и драматического мастерства. Все в нем выверено до мельчайших деталей. Он и брошенную Ленским перчатку поднимает не сразу, пытаясь объяснить обезумевшему от ревности другу, что это не более чем шутка, и понимая, что зашел в своей игре слишком далеко.

Но дрался он с Ленским зря. Это не по-мужски и не по-дворянски. Почему-то все постановщики ставят драку в доме Лариных, полагая, что именно в ней выражается истинно русская натура. Сцену встречи с Татьяной на балу, ступор Онегина при виде метаморфозы, которая произошла с ней, Хворостовский решает психологически точно.

Финальная сцена — вокальный, актерский и постановочный шедевр. Неизбывное горе Татьяны, ее слезы и признание в любви Онегин воспринимает как капитуляцию. Неизвестно, чего больше в его бешеном напоре: истинной страсти или чисто мужского

азарта. Со словами: «Прощай навеки» — Татьяна вырывается из рук Онегина и убегает со сцены. Последние слова Онегина: «Позор! Тоска! О жалкий жребий мой!!!» — прозвучали отчаянным воплем.. Примечательно, что эти последние слова своего героя Чайковский написал в ми-миноре, в котором написана ария Ленского. Иными словами, он закончил спектакль словами Онегина в тональности Ленского. Как скорбь по убитому поэту, как раскаяние Онегина, как надежду на его возрождение.

Русских в этот вечер в зале было много, овации продолжались долго.